

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 21–26, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-21-26
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(479)08

Taxes and Duties of the Nogai People in the 19th Century

Daniyal S. Kidirniyazov¹, Asiyat A. Abasova²

¹ Ph. D in History (Doct. of Historical Sc.), Professor, Leading Research Associate, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: daniyal2006@rambler.ru.

² Lecturer, Teachers College No. 3 (Beloyarsk, Russian Federation); External Doctoral Candidate, Department of General History, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: vikingpasha@mail.ru.

Abstract

The article considers various taxes and duties of the Nogai population to their landlords as well as uniform duties introduced after the Nogais were incorporated into the Russian state. *Murzas* — leaders of the nomadic *auls* (Nog. ‘settlement’) — constituted the upper class of the Nogai community. It was to them that ordinary people were supposed to serve their diverse duties. The Nogais were also to pay taxes for the maintenance of the local administration. It should be noted that duties were distributed not in terms of the number of individuals within a household, but rather — the amount of cattle the household possesses. Since 1828, the Russian authorities imposed corresponding duties upon *tarkhans*, *seits* and *murzas*. The Russian administration exercised strict control over distribution of duties. Such distribution was held by village heads in the presence of the leader and senior representatives, and was to be approved by the whole community. No duty could be introduced without the knowledge of the High Commissioner of the Caucasus. Precinct chiefs issued no internal orders pertaining to duties, apportionments and collection of money but obligated senior representatives to perform such activities. Poor widows, disabled and sick people were exempted from servitudes. Heads, senior representatives and *aqsaqals* also paid no servitudes when in charge of public affairs. Besides, after the Nogai territory was abolished by Russia the nomads were charged with the following duties: transportation of state-owned provisions to shops of the Right and Left Flanks of the North Caucasus Line using their own resources and at their own expense; maintenance of post stations in the Kizlyar-Astrakhan road; recruitment of armed horsemen for them to serve as border guards; transportation of construction materials under the requisition of the Construction Commission stationed in Pyatigorsk. It is noteworthy that in the latter half of the 19th century the food rent began to be partially replaced by a money one. The diverse forms of the food rent were accompanied by various patriarchal labor rents, such as help to *murzas* and *beis*, herding of some rich ‘relative’s cattle, etc. In Zaslavskaya Kумыkia Nogais paid their landlords 4 *sabus* for a four-unit plow, one *arba* of hay or one silver rouble (per household) for a haymaking session, etc. Nogais of the Kумыk Plain were also to perform statute labors. Access to plough land was to be repaid by *bulka* (‘mutual aid’) — one day of work during planting of wheat and one more during planting of millet; and the same when it came to reap — one day for wheat and one for millet respectively. By the mid-19th century the labor rent had disappeared.

Keywords: Russia, Caucasus, Nogais, taxes, duties, administration, landlords, precinct chiefs.

В период кочевого скотоводческого хозяйства, отсутствия крупной сословно-земельной собственности феодалов на землю, обрабатываемую трудом крепостных крестьян, рента выступала как форма реализации феодальной собственности на скот.

Рассмотрим основные формы феодальной ренты среди ногайцев региона.

В первой половине XIX в. ногайцам Северо-Восточного Кавказа были известны три формы докапиталистической земельной ренты: натуральная, отработочная и денежная. Необходимо отметить, что денежная рента не имела широкого распространения. Денежную ренту получали с ногайцев только в Тарковском шамхальстве за посев марены. Что касается отработочной и натуральной ренты, то преобладала последняя.

Население ногайских селений несло в пользу мурз различные повинности «произведениями земли, скотом и деньгами, а также личною службою» [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 2]. «Предки ногайских мурз по древним их обычаям пользовались от подвластных узденей: услугами, работами и особенно данью — с каждых трех домов по два воза сена, по две меры проса и муки, да сверх того при забое скота получали от одного части мяса», указывается в другом документальном материале [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 27–30].

Ногайцы до введения российскими властями единых повинностей, согласно документальным материалам, выполняли следующие повинности: одни «производят ежегодную разводку казенного провианта и содержат сверх того почтовые станции; другие делают таковую разводку провианта только случайно в количестве весьма меньшем и меньшее число содержат станций; наконец, третьи никакой не несут повинности, отправляя <...> очередь на кордоны» [ПСЗРИ-II 1830: № 878]. Как указывал автор XIX в. И. Бларамберг, ногайское население должно было нести ряд повинностей: развозить на своих арбах казенный провиант для обеспечения продовольствием русских войск в магазины вдоль кордонной линии, содержать почтовые станции на Кизляро-Астраханском тракте, выставлять на кордонную службу вооруженных всадников, перевозить строительные материалы по распоряжению строительной комиссии, которая находилась в Пятигорске [Бларамберг 1992: 182]. Главный пристав следил за упорядочением повинностей местного населе-

ния, потому что денежных повинностей они почти не несли [ПСЗРИ-II 1830: № 878].

Необходимо указать, что для ногайского народа создавались общественные фонды с капиталом, который составляли: а) «с рыбных ловель, если оные в землях общества имеются; б) с скота, пасомаго на степях общества посторонними людьми; в) с промышленников, производящих по аулам торговлю товарами и т. п.; г) из остатков суммы, получаемой от казны за разводку провианта» [ПСЗРИ-II 1830: № 878]. Общественные деньги расходовались на помощь неимущим, на улучшение сельского хозяйства.

Кроме того, с ногайского населения также взимался ряд повинностей на содержание местной администрации. Нужно отметить, что повинности распределялись не по численности населения, а по количеству крупного рогатого скота, овец и т. д. Известный исследователь XIX в. И. В. Бентковский сопоставлял их с подходящим налогом [Бентковский 1883: 90].

Российская администрация осуществляла строгий контроль над распределением повинностей, которое производилось аульными старостами под контролем головы и старшин, а потом утверждалось ногайским джамаатом. Необходимо подчеркнуть, что ни одна повинность не вводилась без согласия наместника Кавказа. Со временем связанные с повинностями сословные отношения у ногайцев также претерпевали некоторые изменения. Так, *тарханы*, т. е. лица, избавленные от повинностей за различного рода заслуги, были лишены своих привилегий и стали привлекаться к отбыванию некоторых повинностей. Кроме того, была уменьшена неограниченная власть ногайских мурз, и они были поставлены под контроль главного пристава [ПСЗРИ-II 1830: № 878]. Повинности простых ногайцев в пользу мурз были четко регламентированы: они утверждались российскими властями и выполнялись непосредственно под контролем головы и старшин.

Представители мусульманского духовенства (*кади*, *эфенди* и *ахунды*) освобождались от уплаты налогов. Также налоговыми льготами пользовались семьи мурз [ПСЗРИ-II 1830: № 878].

С присоединением ногайцев к России мурзы потеряли влияние над своими подвластными людьми. Последние отказывались платить денежную ренту мурзам

[Сталь 1900: 77]. Разумеется, мурзы были недовольны этим и нередко просили местную русскую администрацию дать им разрешение взимать «полные подати» с простого населения [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 853. Л. 38, 43]. В связи с этим главный пристав мусульманских народов обращался к областному начальству «не отменять мурз дани, составляющей важнейший способ к их содержанию» [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 853. Л. 27–30].

С середины XIX в. практически полностью прекратилась выплата податей ногайского населения своим владельцам. Между тем, некоторые мурзы все еще принуждали ногайцев к небольшим податям, услугам, приношениям и т. п.

В ногайском джамаате существовал своеобразный вассалитет, основанный на эпизодическом сборе дани. Нужно отметить, что формой зависимости свободных земледельцев и скотоводов от их владельцев сначала были дани и различные приношения (продукты земледелия, скотоводства, ремесленные изделия). «Добровольные» подарки, которые часто поступали в пользу представителей привилегированных сословий, были ничем иным, как феодальной рентой. Такие подарки делались только во время мусульманских праздников, свадеб или смерти кого-нибудь из ближайшего окружения.

Кроме того, одной из распространенных форм отдачи части своего труда в пользу мечети был *закят* (налог, взимаемый в пользу мечети), освященный обычным правом ногайцев [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2848. Л. 47].

Каждый земледелец или скотовод должен был отдавать определенную часть зарезанной скотины, а также другие пищевые продукты местным аристократам [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 27–30]. Необходимо указать, что подобные приношения делались не только представителям привилегированного сословия, но и бедным родичам.

До создания 1 августа 1867 г. Темир-Хан-Шурина округа таркинские ногайцы (346 семейств) отбывали ряд повинностей и платили некоторые налоги тарковскому шамхалу: *кент-ясак* (подать с имеющих овец), *арба-агач* (доставка топлива), различные общественные работы (поставка плугов, жнецов, косарей) [Шамхалы 1868: 76–78].

Подати и повинности носили в целом натуральный характер. Подчеркнем, что со второй половины XIX столетия продуктовая рента нередко стала заменяться денежной.

Кроме того, наряду с разнообразными видами натуральной ренты имелись различные формы отработок, которые прикрывались патриархальной оболочкой: «помощь» представителям привилегированного сословия, уход за скотом зажиточного «родственника» и т. д. Необходимо указать, что одной из распространенных среди ногайцев региона форм отработок был уход за байским скотом.

Как известно, на землях шамхала Тарковского и князей Засулакской Кумыкии жило подвластное этим владельцам ногайское население. По архивным данным середины XIX в., в Эндиреевском, Аксаевском и Костековском бийликствах находилось 850 хозяйств ногайцев, проживавших на землях владельцев Аджиевых, Айдемировых, Казаналиповых, Темировых [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6379. Л. 2]. Ногайское население платило биям с четырехпарного плуга (полный плуг в среднем составляли три кибитки) по 4 сабу, за покос — по 1 арбе или рубль серебром с каждой семьи, за овец в количестве от 40 до 50 — одну овцу, от 50 до 70 — одну овцу и ягненка, от 70 и более — двух овец, а от 100 и более — трех овец, отдавали также шерсть, молоко, сыр, масло и т. п. [ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 5. Л. 38–39, 56–61]. Вдобавок к этому, кто сеял марену, за каждую сабу засеянных семян платил по 2 руб. серебром. Эта рента была общей и для других зависимых крестьян. В числе других повинностей можно указать обеспечение арбами и конными *чапарами* (конными вестовыми дежурными) для различных нужд местных владельцев и российских властей [ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 5. Л. 56–61].

Многочисленные архивные источники свидетельствуют о том, что ногайцы Кумыкской плоскости несли и барщину. Так, в документе сословно-поземельной комиссии отмечается, что «за пахоту в прежнее время ногайцы исполняли *булка* (взаимопомощь): один день пахоты под пшеницу, другой день — под просо и потом выходили по одному дню на жнитво пшеницы и проса» [ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 5. Л. 38–39]. Начиная со второй половины XIX в., у ногайцев отработочной ренты уже не было.

Непосильные повинности разоряли ногайских крестьян и мешали им вести хотя бы небольшое хозяйство. В связи с этим российское правительство вынуждено было пересмотреть существовавшую систему повинностей. В 1846 г. комиссия для обозрения магометанских народов Кавказской области предложила «обратить отяготительную натуральную повинность (арбы для перевозки казенного провианта) в денежную и исчислять ее не по кибиткам (семьям), а по количеству скота [Якобий 1901: 20]. Были установлены следующие размеры обложения (прямой налог на скот): 40 коп. с каждой головы крупного рогатого скота и по 5 коп. с головы мелкого скота.

Постановлениями и законодательными актами российских властей ногайское население было обязано содержать административно-управленческий аппарат: частных приставов и их помощников, мировых судей, судебных следователей, кизлярского следователя с толмачом, почт внутри ногайских аулов, пограничных постов и т. п.

Распределение повинностей осуществлялось следующим образом: частные приставы собирали местное население на сход, предъявляли им требования к исполнению положенных повинностей: по денежному сбору — о количестве денег, по развозке провианта — о числе подвод. При этом указывали и срок, к которому нужно было выполнить эти повинности [Берже 1859].

Стоит отметить, что частные приставы не делали никаких письменных распоряжений в отношении отбывания повинностей, их распределения и сбора денежных средств, но побуждали к их выполнению через голов, старшин и посылаемых нарочных [Берже 1859].

По утверждению общественного приговора, распределение повинностей по семьям в населенных пунктах производилось старостами в присутствии голов и старшин. Основным критерием выступала не численность семьи, а степень зажиточности, определявшаяся по численности скота и занятию различными ремеслами.

От повинностей освобождались вдовы, инвалиды и больные. Также не несли повинностей в течение трех лет вновь прибывшие в общество: как холопы, получившие свободу и переселившиеся в кочевой аул от других этносов, так и священнослужители и мурзы с их семьями, если они раньше были освобождены от повинностей.

В период нахождения на своей должности также освобождались от повинностей головы, старшины, казначеи, сельские старосты и десятники [Берже 1859].

Особенно невыносимой для местных крестьян была конная повинность. Крестьяне нередко обращались с жалобой к русским властям, что местная администрация поступает несправедливо, зажиточных освобождает, а у бедноты отбирает последнее [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 4998. Л. 33].

Едисан-джембойлуковские ногайцы в числе прочего занимались развозкой хлебобулочных изделий по магазинам Кордонной линии [АКАК 1870: 910]. По данным годового отчета, в 1855 г. из Шандруковской пристани ногайцы вывезли на своих арбах 4 тыс. четвертей государственного провианта в магазины Кавказской линии на одной тысяче подвод [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2385. Л. 7].

В 1857 г. ачикулак-джембойлуковские и едисанские ногайцы в 2 раза увеличили перевозку казенного провианта с Шандруковской пристани по магазинам левого фланга Кавказской линии. Ногайцами было перевезено 8 тыс. четвертей на 2 тыс. арбах [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2584. Л. 44].

Ачикулак-джембойлуковские ногайцы также содержали Гайдуковскую почтовую станцию с шестью парами лошадей, добывали соль на Можарских соляных озерах и т. д. [АКАК 1873: 879]. В 1807 г. 120 ногайцев были отправлены на работу на Можарские озера. Добыча соли здесь производилась вручную, условия жизни были тяжелыми [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 820. Л. 29–31].

Общая сумма повинностей ачикулакских ногайцев составляла: в 1823 г. — 36 320 руб., в 1824 г. — 25 200 руб., в 1825 г. — 25 915 руб., в 1826 г. — 20 420 руб. [ГА СК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 11. Л. 101].

Многочисленные налоговые сборы включали прямой сбор на скотину, воинский налог, налог на общественные мероприятия, содержание почтовых лошадей, обслуживание местных мусульманских священнослужителей, медресе, аульных администраций и др. Разумеется, все это бремя, возложенное на простых людей, увеличивало имущественное неравенство среди ногайцев [Прозрителев].

Караногайцы и едишкульские ногайцы за пользование безводной и полупустынной землей более всех были обременены различными повинностями: на них было возложено обеспечение казенными товарами

всех магазинов Кордонной линии, включая территорию от Сладкоеричной пристани на Каспии (устье р. Терек) до г. Екатеринодара. Например, в 1856 г. для перевозки 40 000 четвертей муки ногайцы выставили до 8 тыс. арб [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2345. Л. 9]. Также на ногайцев было возложено содержание почтовых станций в Кизлярском уезде от Кизляра до Астрахани с семнадцатью парами почтовых лошадей на 4 станциях (Сухая Бороздиновка, Аджи-Гановская, Тарак-Бугорская, Золотаревская) [Ровинский 1809: 464].

В целом сумма повинностей за четыре года у караногайцев и едишкульцев насчитывала: в 1823 г. — свыше 145 тыс. руб., в 1824 г. — более 100 тыс. руб., в 1825 г. — свыше 162 тыс. руб. и в 1826 г. — около 83 тыс. руб. [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 820. Л. 20–28].

Характеризуя политику российской администрации по управлению ногайцами в рассматриваемое время, следует указать, что ногайцы стали полноправными гражданами Российского государства. Работу приставств можно оценить положительно. Устройство организованной гражданской жизни ногайского населения было связано с деятельностью института приставов. Российские власти старались в своей политике руководствоваться опытом тщательного изучения обычаев и традиций местного населения; администрация грамотно действовала в своей политике по привлечению nomads к оседлости, что указывалось во многих законодательных актах, касавшихся ее управления.

Источники

- АКАК — Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. 4; 1873. Т. 5.
 ГА СК — Государственный архив Ставропольского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 11; Оп. 3. Д. 820; Д. 853; Д. 2345; Д. 2385; Д. 2548; Д. 2584; Д. 2733; Д. 4998.
 ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1830. Т. 2. 1561 с.
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 6379. Ч. 1.
Прозрителев Г. Н. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии (рукопись) // Ставропольский краевой музей. Папка № 9.
 ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 105. Оп. 1. Д. 5.

Литература

- Бентковский И. В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1. Ставрополь: Тип. Губ. правление, 1883. 134 с.
Берже А. П. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 87.
Бларамберг И. Кавказская рукопись / пер. с фр. И. М. Назаровой, А. И. Петрова. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1992. 240 с.
Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб.: Имп. Тип., 1809. 579 с.
Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа, составил генерального штаба барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Вып. 21. С. 59–173.
 Шамхалы Тарковские // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Главн. Управл. Наместника Кавказского, 1868. Вып. 1. Отд. 4. С. 8–80.
Якобий А. И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб.: Тип. А. Н. Михайлова, 1901. 45 с.

Sources

- АКАК — *Akty Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii* [Proceedings of the Caucasian Archaeographical Commission]. Tiflis, 1870, vol. 4; 1873, vol. 5 (In Russ.).
 ГА СК — *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraja* [The State Archive of Stavropol Krai]. F. 249. Op. 1. D. 11; Op. 3. D. 820; D. 853; D. 2345; D. 2385; D. 2548; D. 2584; D. 2733; D. 4998 (In Russ.).
 ПСЗРИ — *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. II* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2]. St. Petersburg, 1830, vol. 2, 1561 p. (In Russ.).
 РГВИА — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [The Russian State Archive of Military History]. F. VUA. D. 6379. Ch. 1 (In Russ.).
 Prozritelev G. N. *Trukhmeny i nogaytsy Stavropol'skoy gubernii. Ruk.* [Turkmens and Nogais of the Stavropol Governorate. A manuscript]. *Stavropol'skiy kraevoy muzey* [Stavropol Krai Museum]. Folder No. 9 (In Russ.).
 TsGA RD — *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan]. F. 105. Op. 1. D. 5 (In Russ.).

References

- Bentkovsky I. V. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoy gubernii. Nogaytsy. Ch. 1* [A historical and statistical review of non-Russian Mohammedan nomads residing in the Stavropol Governorate. The Nogais. Part 1]. Stavropol, Provincial Government Press, 1883, 134 p. (In Russ.).
- Berzhe A. P. *Tatarskoe plemya na Kavkaze* [Tatarian population of the Caucasus]. *Kavkaz* (The Caucasus), 1859, No. 87 (In Russ.).
- Blaramberg I. *Kavkazskaya rukopis' / per. s frants. yaz. I. M. Nazarovoy, A. I. Petrova* [The Caucasian Manuscript. Transl. by I. Nazarova et al.]. Stavropol, Stavropol Book Publ., 1992, 240 p. (In Russ.).
- Rovinsky I. V. *Khozyaystvennoe opisaniye Astrakhanskoy i Kavkazskoy guberniy* [An economic review of the Astrakhan Governorate and the Caucasus Viceroyalty]. St. Petersburg, Imperial Print. House, 1809, 579 p. (In Russ.).
- Stahl K. F. *Etnograficheskiy ocherk cherkesskogo naroda, sostavil general'nogo shtaba baron Stal' v 1852 godu* [An ethnographic sketch of the Circassian people compiled by the authorized representative of the General Staff, baron Stahl, in 1852]. *Kavkazskiy sbornik* (The Caucasian Digest), Tiflis, 1900, iss. 21, pp. 59–173 (In Russ.).
- Shamkhaly Tarkovskie* [The Shamhals of Tarki]. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collected data about highlanders of the Caucasus]. Tiflis, General Directorate of Caucasus Viceroyalty Press, 1868, iss. 1, section 4, pp. 8–80 (In Russ.).
- Yakoby A. I. *Tyurki stepey Severnogo Kavkaza* [Turkic tribes inhabiting the North Caucasus steppes]. St. Petersburg, A. N. Mikhaylov Publ., 1901, 45 p. (In Russ.).

УДК 94(479)08

ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ У НОГАЙЦЕВ В XIX в.

Даниял Сайдахмедович Кидирниязов¹, Асият Арсланбековна Абасова²

¹доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Дагестанский научный центр РАН (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: daniyal2006@rambler.ru.

²преподаватель, педагогический колледж № 3 (Белоярск, Российская Федерация); соискатель, кафедра всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала, Российская Федерация) E-mail: vikingpasha@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются различные подати и повинности ногайского населения, которые они несли своим владетелям, а также единые повинности, возложенные на них после включения в состав Российского государства. Мурзы, стоявшие во главе кочевых аулов, составляли высшее сословие ногайского народа. Местное население несло в их пользу разные повинности. Также с них взимались повинности на содержание местной администрации. Следует отметить, что повинности распределялись не количеству душ, а согласно численности скота. С 1828 г. российские власти привлекли к отбыванию повинностей тарханов, сеитов и мурз. Кроме того, с присоединением к России ногайцы обязаны были нести следующие повинности: развозить собственными средствами казенный провиант для продовольствия войск в магазины Кавказской линии, содержать почтовые станции на Кизляро-Астраханском тракте, выставлять на кордонную службу вооруженных всадников, принимать участие в перевозке строительных материалов по требованиям строительной комиссии, которая находилась в Пятигорске. Наряду с различными видами продуктовой ренты, существовали разнообразные формы отработок, прикрываемые патриархальной оболочкой: помощь мурзам и баям, уход за скотом богатого «родственника» и т. д. В середине XIX в. отработочная рента у ногайцев практически исчезла.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, ногайцы, подати, повинности, администрация, владельцы, пристав.